

В.В. Власова

Институт языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН
 Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982, Республика Коми, Россия
 E-mail: vv505@hotmail.com

МЕДНОЕ ЛИТЬЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ И ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКЕ КОМИ-СТАРОВЕРОВ

В статье предпринята попытка комплексного описания обрядовых и повседневных практик, связанных с бытованием культового литья у коми-староверов. Работа основана на полевых материалах автора (интервью с информантами, личные наблюдения, фото- и видеоматериалы), собранных в ходе этнографических экспедиций 1999–2007 гг. в Удорском, Усть-Куломском, Троицко-Печорском районах Республики Коми, а также архивных данных. Являясь неотъемлемым атрибутом повседневной жизни и обрядов, определяющих конфессиональную принадлежность (таинства крещения и погребальных треб), литые образа стали одним из символов староверия у коми.

Ключевые слова: коми-старообрядцы, старообрядческое медное литье, этноконфессиональные символы, семейная и праздничная обрядность.

Введение

С момента разрыва с официальной церковью староверам было важно, исходя из идеологических соображений, получить собственные образцы предметов, принятых к поклонению. После запретов начала XVIII в. на использование литых икон в церквях и частных домах именно они продолжили их изготовление, ориентированное на древний изобразительный канон [Принцева, 1986; Гнутова, Зотова, 2000].

Работы, посвященные старообрядческому литью, носят преимущественно искусствоведческий характер. Они затрагивают вопросы атрибуции, классификации, датировки [Принцева, 1986; Винокурова, 1989; Гнутова, 1993; Берестецкая, 2003], характеризуют отдельные центры производства [Дружинин, 1993; Винокурова и др., 1994; Юхименко, 2002; Зотова, 2003]. С середины 1990-х гг. предметы православного культа, в т.ч. и старообрядческое литье, рассматриваются как значимый и «недостаточно востребованный» этнографический материал, отражающий религиозное мировоззрение [Гнутова, Зотова, 2000; Голомянов, Фурсова].

К.В. Цеханская, исследовавшая традицию иконопочитания в русской культуре, пришла к выводу,

что икона представляет собой «отличительный знак православной веры», которая, в свою очередь, является «национальной особенностью, основой духовной культуры русского народа» [2001, с. 300–301]. Появление работ, посвященных бытованию икон, было закономерно в контексте отечественных исследований знаковых средств культуры. Как отмечает А.С. Мыльников, «знаки культуры – это не просто материальные предметы, явления и события “вообще”, а сущности, отражающие или выражающие факты данной этнической культуры» [1989, с. 28]. По мнению О.М. Фишман, обособленность старообрядческих общин закреплялась в числе прочего и «системой материализованных этноконфессиональных символов», к которым она относит лестовки, подручники, иконы, моленную одежду. Эти символы, усваиваясь с детства и сопровождая человека в течение всей жизни, способствовали культурной консолидации группы [Фишман, 2003, с. 201]. Исследователи часто указывают, что литые иконы являются одним из атрибутов староверия, однако информация об их бытовании в разных старообрядческих группах представлена в публикациях фрагментарно (констатируется сам факт наличия, фиксируется использование в

некоторых обрядах) [Данилко, 2002, с. 128; Дронова 2002, с. 25–26; Фишман, 2003, с. 201].

В предыдущей работе нами было выявлено наличие связи между ареалами меднолитых предметов и местами проживания коми-староверов [Власова, 2005а]. В предлагаемой статье предпринята попытка комплексного описания бытования литых икон в их современной повседневной и обрядовой жизни на основе архивных и современных данных. Полевые материалы (интервью с информантами, личные наблюдения, фото- и видеоматериалы) собраны в ходе этнографических экспедиций 1999–2007 гг. в Удорском, Усть-Куломском, Троицко-Печорском районах Республики Коми (РК).

Литые иконы как символ «принадлежности к расколу»

Длительное время староверие рассматривалось исключительно как русское явление, однако оно имело достаточно широкое распространение среди финно-угорских народов (коми-зырян, коми-пермяков, карел, мордвы). Появление старообрядчества среди коми в середине XVIII в. и его начальная история связаны с русскими староверами [Власова, 2006, с. 21]. Первые попытки объяснить причины этого явления были сделаны во второй половине XIX в. Миссионеры и чиновники видели их в малограмотности, непонимании зырянами русской речи, отдаленности деревень от приходских храмов, отсутствию путей сообщения. Местные священники отмечали: «Многие зыряне восприняли лишь внешнюю обрядовую сторону христианства... и теперь еще остаются чуждыми пониманию внутреннего сокровенного смысла христианской веры» [Из религиозно-бытовой жизни..., 1905, с. 339]; «Население отдаленных от центра религиозной жизни деревень было фактически беспоповским. Зыряне сами крестили своих детей, сами же хоронили родственников, умиравших без покаяния перед священником, которого зыряне видели совсем редко» [В Печорском крае..., 1904, с. 362]. Данное утверждение перекликается с тезисом Т.А. Бернштам о том, что «староверие... оказало сильное воздействие на мировоззрение коми, в особенности там, где постоянных русских жителей было мало, православие не имело древних корней... староверие стало носителем христианских идей» [1990, с. 137]. Историк Ю.В. Гагарин считал, что появление старообрядчества среди коми было обусловлено социально-экономическими процессами XVIII в. [1978, с. 104–105]. На наш взгляд, этому способствовала еще и внутренняя готовность местного населения к восприятию его основных идей. К моменту проведения реформ Никона православие у коми имело уже 200-летнюю историю,

а церковно-православная обрядность стала неотъемлемой частью культуры и быта. «Предки наши, руководствуясь поучениями святых отцов, толкованиями Святого Писания, правилами и обрядами, установленными до изменения всего того московским патриархом Никоном, продолжали совершать богослужения как в пустынях и скитах, так в городах и селениях, не отступая от буквального изложения тех старопечатных правил», – писали удорские староверы в Департамент общих дел МВД в 1886 г. (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15806. Л. 29).

Наибольшее распространение староверие получило в трех районах, заселенных коми: на Удоре (среднее течение р. Вашки, приток Сев. Двины, современные Важгортский, Пучкомский и Чупровский с/с, Удорский р-н РК); в верховьях р. Вычегды (Керчомский и Вочевский с/с, Усть-Куломский р-н РК); на верхней Печоре (Троицко-Печорский, Вуктыльский и Печорский районы РК). На Удоре и Печоре большинство жителей принадлежало к поморскому согласию, незначительное число – к филипповскому, в конце XIX в. здесь появились скрытники (бегуны). Крестьяне верхней Вычегды являлись приверженцами нетовского толка [Власова, 2006]. Как и для других финно-угорских народов, для коми принятие староверия не означало утрату языковой и этнической специфики [Данилко, 2007; Фишман, 2003]. Оно оказало существенное влияние на самосознание, обрядовую и бытовую сферы.

Чиновники и священники отмечали приверженность коми-староверов к «старине», которая, по их мнению, проявлялась в некоторых визуальных символах. Учитель Вологодского училища А. Попов писал о верхневыхегодцах: «Суть раскола заключается в двоеперстии, чтении по старине, хождении посолонь, кланяются (староверы. – **В.В.**) иконам старинным и преимущественно медным, запрещая православным молиться своим иконам» (ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 183. Л. 68). В 70-х гг. XIX в. старик в с. Керчомья показывал свою молельню литератору П.В. Засодимскому, который описал ее как небольшую комнату «со множеством старинных распятий и складней в переднем углу» [1999, с. 131].

Государство и официальная церковь вели активную «противораскольническую» деятельность. Ее частью являлось изъятие богослужебных книг, а также предметов, свидетельствующих об «уклонении в раскол». В 1872 г. у важгортских крестьян Бозовых изъяли «8 книг, 7 холщевых подколеников, кожаные порванные четки, медные отливные иконы и кресты – 18 штук» (НАРК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 304. Л. 59). В 1851 г. в с. Керчомья у старообрядцев были «отобраны иконы, книги и другие вещи, до богослужения относящиеся, отосланы в духовную консисторию на распоряжение с тем, чтобы, если те книги окажутся противными пра-

вославию и единоверию, доставить их в Министерство внутренних дел» (НАРК. Ф. 230. Оп. 1. Д. 133. Л. 40). Печорский наставник Николай Мартюшев указывал: «Иконам мы, если не в церкви и сами по себе поклоняемся, в особенности предпочитаем медные иконы, также и деревянные, с изображением на них двуперстосложенного креста» (НАРК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 911. Л. 65). Основываясь на имеющихся у нас данных, популярность литых икон среди коми-староверов в XIX – начале XX в. можно объяснить существовавшими представлениями об их «древности» и иконографическими особенностями (изображение двуперстного знамения). Архивные материалы свидетельствуют: среди местного духовенства и чиновников сформировалось мнение, что литые иконы являли собой один из видимых признаков принадлежности к расколу.

Достоверной информации о существовании центров производства медного литья на территории проживания коми нет. Упоминание о его изготовлении на верхней Печоре, встречающееся в отчете Ю.В. Гагарина, других документальных подтверждений не имеет (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 159. Л. 18). Предметы, получившие распространение среди коми-староверов, были привозными, что свидетельствует о наличии связей между старообрядческими общинами коми и их единоверцами в других регионах России [Власова, 2005а, с. 10].

Современные представления о литых образах

Современную ситуацию в староверческих селах Республики Коми можно охарактеризовать как процесс постепенного размывания религиозной традиции, обусловленный как внутриобщинными проблемами (ослабление наставничества), так и внешними факторами (постепенная ассимиляция и интеграция, миссионерская деятельность Русской православной церкви). Костяк общин, как правило, составляют пожилые женщины, которые считают себя *мирскими**. Верующие мало интересуются историей раскола, равно как и догматическими основами вероучения, гораздо большее значение приобрели обрядовая практика и визуальные символы принадлежности к группе. В настоящее время главным из них является двуперстное знамение – *перна-нас*. Жители изучаемых районов говорят, что существует и «другая вера»: люди, которые ее исповедуют, крестятся *чепелью/щепелью*, т.е. тремя

*Старообрядческие общины коми, как и во многих других регионах, разделялись на две категории верующих: *истых*, или *верных*, и *мирских*. *Мирскими* (*мирянами*) называют людей, исповедующих староверие, но не исполняющих всех религиозно-бытовых предписаний.

перстами. Они подчеркивают, что к этой вере не имеют отношения: *Они были староверы, а мы мирские; те, кто чепелью молится, эти вообще где-то в стороне, какие-то евреи, говорят, чепель любят* (О.В. Гичева 1919 г.р., Усть-Куломский р-н, 1999 г.); *щепелью в селе никто не молится, так молиться – собаке молиться* (М.В. Палева, 1916 г.р., Удорский р-н, 1999 г.). Современные староверы подтверждают правильность собственных позиций, ссылаясь на «старые» книги и иконы: *Креститься надо двумя перстами, как на образах – это крест, а тремя пальцами – это щепель* (А.С. Попова, 1917 г.р., Усть-Куломский р-н, 1999 г.).

В коми номинациях литых образов отражена специфика материала, из которого они изготовлены, а также определенные технологические особенности. Иконы, образки, распятия коми-староверы называют *корт образ* (железный образ), реже *ыргон образ* (медный образ), складни – *дзирья* (*дзир* – «шарнир»). Хотя для обозначения других видов крестов используется русское слово «крест», для нательных – *перна*, распятия именуется образами, что, вероятно, обусловлено наличием на них изображений. На Удоре, рассказывая об образах, уточняют: писанные иконы называют рисованными, крашенными, купленные недавно – новыми. Пожилая староверка из с. Пучкома утверждала, что в отличие от писанных икон, которые изготавливались местными мастерами (*ас каром*), литые были привозными, их делали «знающие люди» (знающие вероучение во всей полноте), поэтому такие иконы «правильные», обладают особой силой (М.В. Палева, 1916 г.р., Удорский р-н, 1999 г.). Эта информация отражает реальные факты: до 1930-х гг. здесь существовали иконописные мастерские скрытников, ориентированных на древние каноны [Шарапов, 1997, с. 109].

Среди коми-старообрядцев сохраняется память о классификации литых образов, которые подразделялись на женские и мужские, личные и выставленные в божнице, мирские и старообрядческие (М.В. Палева, 1916 г.р., О.К. Созонова, 1924 г.р., Удорский р-н, 1999 г.; К.И. Громова, 1916 г.р., Усть-Куломский р-н, 1999 г.). В настоящее время традиция постепенно угасает. Повсеместно у коми сохранилось деление на мужские и женские образа в похоронной обрядности. На верхней Вычегде и Удоре разделение образов на старообрядческие и мирские утрачивает значение, т.к. большинство верующих считает себя мирянами. Существует мнение, что данное разделение основывалось и на внешних признаках: старообрядческие литые иконы были *цветными* (т.е. покрыты эмалью). Однако есть и противоположное: никаких внешних отличий не было. По имеющимся материалам, мирянам, присутствовавшим на совместных молениях, запрещалось креститься на выставленные иконы (А.А. Коровина, 1915 г.р., О.К. Созонова, 1924 г.р., Удорский р-н, 1999 г.).

Обязательным предметом современного интерьера является божница (*енко, енчом*), расположенная в восточном углу дома. На верхней Вычегде ее украшают вышитыми полотенцами, часто иконы стоят за занавесками также с вышивкой (рис. 1). В старообрядческих домах на Печоре и Удоре подобная практика не встречается. У некоторых староверов иконы стоят не в божнице, а в шкафу (рис. 2), за ним или в другом

Рис. 1. Божница, с. Керчомья, верхняя Вычегда.
Фото В.В. Власовой, 1999 г.

укромном месте. В д. Острово на вопрос, почему образа находятся за шкафом, женщина ответила, что там их хранила ее свекровь (О.К. Созонова, 1924 г.р., Удорский р-н, 1999 г.). Зачастую иконы стоят в женской половине избы, расположенной напротив печи, отгороженной от остальной части дома деревянной перегородкой или занавесками. На Печоре и Удоре образа установлены на специальных навесных деревянных полочках (одно- или двухъярусных), крепящихся к стене (рис. 3), сами хозяева могут рассказать лишь то, что они сделаны специально для икон. Староверы Урала также хранили собственные иконы на специальной полке за занавесками [Данилко, 2007, с. 38]. Наличие подобных «переносных иконостасов» у коми, на наш взгляд, объясняется тем, что в случае прихода нежелательных посетителей полки вместе с иконами можно было легко снять со стены и перенести в другое место. Наблюдатели XIX в. отмечали: в своем доме староверы имели и чествовали свои особенные образа, которые ставили в разные углы и завешивали платом, чтобы они не осквернились от созерцания их другими; иконам в переднем углу члены семьи не поклонялись, т.к. они были предназначены для приходящих (являлись «нечистыми», даже если были древнего письма) [Обозрение..., 1863, с. 181]. В настоящее время данная аргументация не утратила свою актуальность лишь на Печоре, где сохраняется деление на староверов, официально православных, скрытников, в других районах образа хранят в укромном месте в силу традиции или из-за боязни кражи. Интерес, который проявляют к ним, помимо исследователей и музейных работников, собиратели антиквариата, способствует формированию отношения к иконам не только как к святыням, семейным реликвиям, но и как к вещам, представляющим значительную материальную ценность.

Рис. 2. Иконы в шкафу, с. Покча, верхняя Печора.
Фото В.В. Власовой, 2007 г.

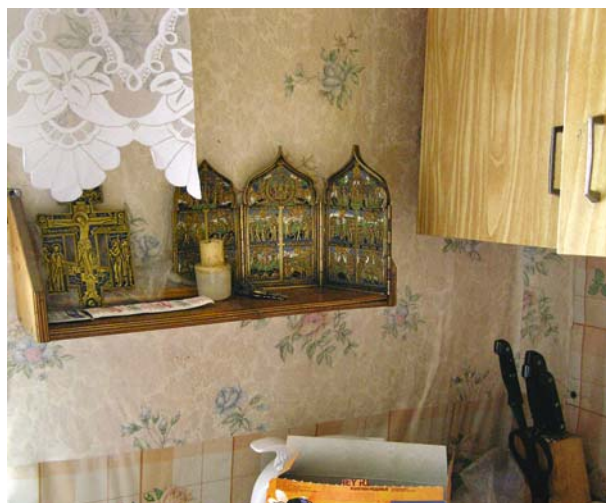

Рис. 3. Навесная полочка с иконами, д. Вильгорт, Удора.
Фото В.В. Власовой, 2006 г.

В некоторых районах существовали ритуалы, проводившиеся в случае осквернения икон. Например, пермские староверы считали, что если литые образа окропил святой водой священник, то их необходимо «очистить»: икону клали в глиняный сосуд с золой и водой и ставили в печь на несколько дней [Там же, с. 181]. Существование подобных обрядов у коми не зафиксировано. Из рассказов наших информантов следует, что посредством огня коми-староверы «очищали» металлическую посуду, к которой прикоснулся мирской. Например, после того как на сенокосе дети взяли кружку своей бабушки-староверки (*миричили*), она бросила ее в костер, прочла молитву и лишь после этого использовала ее (Л.П. Коровина, 1936 г.р., Удорский р-н, 1999 г.). Представление об «очистительной силе» огня характерно для различных религиозных традиций. Исследователи медного литья отмечают, что одним из факторов, способствовавших его популярности, была особенность технологии изготовления: «очищение огнем» [Гнутова, Зотова, 2000, с. 6].

Как правило, владельцы литых икон знают, какой святой или сюжет изображен на них (это касается Богородицы, св. Николая, Христа, Распятия). В то же время многие сюжеты верующим незнакомы: пожилая женщина, показывая икону «Спас, Благое молчание», утверждала, что это изображение Богородицы. Гораздо лучше знакомы с иконографией местные наставницы и молящиеся. Демонстрируя нам литые иконы, одна из наставниц не только называла изображение, но и рассказывала, в каких случаях надо обращаться к тем или иным святым. Например, образу «Преподобного Нифонта – прогонителя бесов» надо молиться об избавлении супруга от пьянства, Богородице – о семейном благополучии и женском здоровье (А.И. Сивкова, Удорский р-н, 1999 г.). Вероятно, именно таким образом происходила передача знаний от наставника рядовым членам общины. Здесь мы сталкиваемся с прямым сопоставлением изображения с письменным текстом, происходит своеобразное «прочтение» иконы. Уместно упомянуть, что, по мнению исследователей, формирование выговских складней аналогично пути развития поморской книжности. Складень «Двунадесятые праздники» может рассматриваться как «полнокровное, обоснованное наглядное воспроизведение их (выговцев. – **В.В.**) христианских воззрений... Подобно тому, как в рукописях щедрые ссылки на традиционные догматические тексты подкрепляют приводимые выговцами доводы, так и авторитет святых, изображенных на металле, подтверждает правильность их позиций... Заставка-рамка на лицевом обороте четырехстворчатого складня “Двунадесятые праздники” наводит на мысль, что содержание складня подобно книге...» [Фролова, 1994, с. 20]. Возможно, именно с представлением о складне как о книге связан существующий среди коми-старообрядцев запрет делить его.

Литье в обрядовой практике коми-староверов

В повседневной жизни обращение с иконами в значительной степени ритуализировано. Практически повсеместно существует убеждение, что образа необходимо доставать из божницы только правой рукой, т.к. левая является «нечистой». Ни в коем случае нельзя класть их (как литые, так и писанные) изображением вниз. По цвету металла можно определить, какая жизнь ожидает семью: если икона светлая и блестящая, то все хорошо, если потемнела – жди беду (Л.П. Коровина, 1936 г.р., Удорский р-н, 1999 г., Н.А. Тарабукина, 1920 г.р., Усть-Куломский р-н, 1999 г.). Русские крестьяне также считали, что по «поведению» иконы можно предсказать будущее (ее падение с божницы предвещало смерть или пропажу) [Цеханская, 1998, с. 159].

Для коми, как и для других народов, было характерно наделяние металла и металлических предметов магическими свойствами. Железо, медь (*корт*, *ыргён*), по их представлениям, обладали целительными свойствами, способностью ограждать от нечистых сил, считались оберегом от сглаза и порчи [Уляшев, 1999, с. 204]. Среди староверов Вашки существует обычай класть литое распятие в колыбель младенцу вместе с хлебом и солью, чтобы уберечь его от сглаза и болезни. При «лечении испуга» (*новзьём*) больной пьет воду, которой поливают образ (держат в правой руке), а часть ее должна попасть ему на грудь. Таким же способом избавляют детей от недержания мочи (села Чупрово, Важгорт). Водой, которой омыли иконы, пытаются лечить алкоголизм – незаметно добавляя в чай или водку пьющему человеку (М.М. Фомина, 1934 г.р., Л.К. Бутырева, 1933 г.р., Удорский р-н, 1999 г.). Подобные приемы практикуются и на верхней Вычегде (Н.А. Тарабукина, 1920 г.р., Усть-Куломский р-н, 1999 г.). Воду, в которую погружали икону, использовали для омовения больного и русские крестьяне [Цеханская, 1998, с. 143]. На верхней Печоре такие средства исцеления не известны. Возможно, это связано с тем, что под влиянием скрытничества здесь сформировались представления, согласно которым спасение и помощь в случае болезни могут прийти только от молитвы [Чувьуров, 1999, с. 64].

У коми-староверов литые образа являются атрибутами ритуалов, маркирующих конфессиональную принадлежность, – крещения, погребально-поминальной обрядности. Удорские и печорские староверы следуют чину крещения, изложенному в Потребнике малом, с незначительными отступлениями; на верхней Вычегде обряд существенно сокращен [Власова, 2005б, с. 80–82]. Обязательным является не только каждение помещения, купели, одежды крещаемого, но и трехкратное погружение литого рас-

пятия в купель с водой. Каждение и освящение воды литым крестом зафиксированы при проведении крещения и в естественных водоемах на верхней Печоре (с. Покча) и Удоре (А.А. Коровина, 1915 г.р., Удорский р-н, 1999 г.; Н.М. Растворова, 1937 г.р., Троицко-Печорский р-н, 2007 г.). Удорские и верхневыхегодские старообрядцы используют в этих целях не только кресты, но и иконы (Н.М. Давыдова, 1938 г.р., Л.К. Бутырева, 1933 г.р., Удорский р-н, 1999 г.; Е.А. Булышева, 1924 г.р., М.С. Кочанова, 1924 г.р., Усть-Куломский р-н, 1999 г.). В с. Чупрово литые образа оставляют в купели до окончания обряда (Н.М. Давыдова, 1938 г.р., Удорский р-н, 1999 г.). Т.И. Дронова указывает, что русские староверы Усть-Цильмы воду в купели подобным образом не освящали [2002, с. 90]. В настоящее время информация по другим старообрядческим группам у нас отсутствует. Известно, что освящение воды погружением в купель литого креста в ходе таинства крещения оговаривается в Стоглаве [1997, с. 107]. На Удоре перед началом проведения обряда хозяева сооружают «алтарь»: на столе, покрытом скатертью, размещают литые иконы. В некоторых селах их ставят на специальную навесную полочку, которая крепится к стене. Тихвинские карелы-старообрядцы крестили перед медными образами, установленными под божницей [Фишман, 2003, с. 218], русские староверы Усть-Цильмы располагали купель перед божницей [Дронова, 2002, с. 87]. Если литых икон в доме, где проходит крещение, нет, наставница приносит свои. Перед «алтарем» зажигают свечу. После совершения обряда иконы убирают на место, в божницу.

Обязательно наличие литых образов и в ходе похоронно-поминальных обрядов. Умершим мужчинам на грудь кладут распятие или образок с изображением святого, женщинам – Богородицы (К.И. Громова, 1916 г.р., К.С. Ваддорова, 1916 г.р., Усть-Куломский р-н, 1999 г.), на Печоре – соответственно образок с изображением Николы Угодника и Богородицы [Чувьуров, 1998, с. 39]. У русских крестьян существовал обычай хоронить покойников с образком в левой руке или на груди [Цеханская, 2001, с. 311]. Во всех обследованных нами районах перед погребением наставница вынимает икону из гроба и передает ее родственникам. Раньше образки врезались в надгробные памятники, что характерно для старообрядческой традиции в целом [Дронова, 2002, с. 133; Данилко, 2002, с. 200]. В каждой староверческой группе существовало свое объяснение данного действия. Так, у старообрядцев Усть-Цильмы высота надгробного сооружения соответствует росту человека, литая икона крепится в верхней части памятника, имитируя нагрудный крест [Дронова, 2002, с. 132–133]. В настоящее время у коми эта традиция трансформировалась: образа приносят с собой на кладбище в дни поминок, что обусловлено не только их хищением с памятников, но и отсутстви-

ем возможности приобретать литые иконы. На Удоре в надгробный крест (у средней или верхней перекардины) вбивают два гвоздя, на которые и устанавливается образ (рис. 4). На Печоре распространено мнение, что на могиле «верного» старообрядца в течение 40 дней после смерти должна находиться литая икона, вставленная в специальный паз на надгробном кресте (рис. 5) [Чувьуров, 1998, с. 39]. В 1968 г. Ю.В. Гагарин на кладбище д. Возино (верхняя Печора) зафиксировал образа в дуплах сосен (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 168. Л. 13). А.А. Чувьуров отмечает, что в верхнепечорских селах Даниловка, Аранец и д. Медвежской литые иконы устанавливались на деревьях у могил [1998, с. 39].

На сегодняшний день практически в каждой семье на Удоре и верхней Вычегде есть образок, который приносят на кладбище во время поминок. Сюжеты этих образков различны (изображения святых, праздников и др.), выявить какой-либо закономерности не удалось. На Удоре на поминках (3-й, 9-й, 40-й дни, годовщина и т.д.) родственники умершего выставляют на столе все домашние иконы, делая «алтарь» (рис. 6). Наставница и молящиеся читают перед ним канун по усопшему (Н.М. Давыдова, 1938 г.р., Удорский р-н, 1999 г.). В с. Даниловка литые образа заворачивают в ткань и зарывают в надгробный холм до наступления 40-го дня [Там же].

В старообрядческих селах литые иконы являются непременным атрибутом праздничной обрядности. Повсеместно на Пасху их чистят, используя при этом известь, брусничную воду (*пувья ва*), простоквашу (*шома йов*). Воду, которой мыли образа, выливают либо на улицу со стороны красного угла (также поступают с водой, оставшейся после крещения младенца), в такое место, где никто не ходит, либо поят ею скот (А.А. Коровина, 1915 г.р., Удорский р-н, 1999 г.; К.И. Громова, 1916 г.р., Усть-Куломский р-н, 1999 г.; Н.М. Растворова, 1937 г.р., Троицко-Печорский р-н, 2007 г.). У удорских староверов, в отличие от других коми, литые иконы являются обязательным атрибутом ритуалов, связанных с освящением воды: на Крещение, в ходе местного обетного праздника в честь Параскевы Пятницы (д. Муфтыга, с. Чупрово, д. Вильгорт), деревенских праздников (*Егор лун* в Муфтыге и Вильгорте) (Н.М. Давыдова, 1938 г.р., А.А. Коровина, 1915 г.р., Удорский р-н, 1999 г.; М.А. Махотина, 1931 г.р., Л.А. Патракова, 1934 г.р., Удорский р-н, 2006 г.). По мнению жителей д. Муфтыги, вода из источника *Егор ва* обладает целебными свойствами не только в праздник. Ее можно набрать и в обычный день, необходимо лишь соблюдать определенные правила: прийти к источнику до 12 часов дня, положить в воду литую икону, поставить свечи (рис. 7), бросить металлическую монету и прочитать текст заговора: *Земля Ульяна, вода Татьяна, ключ Ивана, дай мне*

Рис. 4. Фрагмент намогильного креста во время погребения, д. Муфтыога, Удора.
Фото В.В. Власовой, 2006 г.

Рис. 5. Намогильный крест с выемкой для иконы, с. Покча, верхняя Печора.
Фото В.В. Власовой, 2007 г.

Рис. 6. «Алтарь» на поминках, с. Чупрово, Удора.
Фото Л.Н. Муравьевой, 2002 г.

Рис. 7. Икона в источнике *Егор ва*, д. Муфтыога.
Фото В.В. Власовой, 2006 г.

воды от всякой беды (В.С. Палева, 1949 г.р., Удорский р-н, 2006 г.). Центром праздника в честь Параскевы Пятницы с начала XX в. являлась д. Кривое, однако с середины – второй половины столетия его стали проводить и в с. Чупрове, д. Вильгорт. В д. Кривое по традиции омывали храмовые иконы (из часовни) и образ Параскевы, а в других селах – только литые образа, которые приносили жители. После омовения икон воду считают освященной, верующие набирают ее, кидая в реку мелкие медные деньги (эти действия являются обязательной частью всех местных праздников).

Информация о роли литых образов в хозяйственной деятельности и других обрядах представлена в наших материалах фрагментарно. Она связана, в первую очередь, с охранительными функциями икон. Информанты отмечают, что ранее в каждом охот-

ничьем домике (*вөр керка*), как и в доме, было обустроено специальное место для икон, где они находились постоянно. В настоящее время лесные избушки посещают не только охотники из числа местного населения, но и приезжие, не знающие и не соблюдающие многих обычаев. Поэтому иконы там не оставляют (т.к. были случаи воровства), охотник носит небольшой образок с собой (А.А. Шлопов, 1936 г.р., Удорский р-н, 1999 г.; Л.А. Растворов, 1929 г.р., Троицко-Печорский р-н, 2007 г.). Литые образа или небольшие складни ставят с внутренней стороны над дверями амбаров и хлебов (Л.К. Бутырева, 1933 г.р., М.В. Палева, 1916 г.р., Удорский р-н, 1999 г.). Следует отметить, что зачастую изображения на них затерты (не видны лики). Образки постоянно носят с собой, обязательно берут в дальнюю дорогу. Как и раньше, литые иконы

принято давать в приданое. В случае их отсутствия де- ляют складень, несмотря на запреты (Н.М. Растворова, 1937 г.р., Троицко-Печорский р-н, 2007 г.).

В начале 1990-х гг. в д. Муфтюге (Вашка) произошло несколько пожаров. Для предотвращения распространения огня люди обходили горевшие строения с литым образом Богородицы «Неопалимая купина», хранившимся у одного из местных жителей (М.А. Махотина, 1931 г.р., Удорский р-н, 1999 г.). Информантка подчеркнула, что важно совершать обход именно с этой иконой, так их «научила» наставница. В данном случае значимо было обращение к конкретному образу. А.Б. Островский, отмечая, что обход горящих строений с иконой имел общерусское распространение, также выделяет из общего числа икону «Неопалимая купина» [2002, с. 148–149]. Рассказы о борьбе с пожарами в других селах (Важгорт, Пучкома, Покча) содержат информацию об обходе с иконами без уточнения, с какими именно, встречаются упоминания о том, что в огонь кидали ножи (Пучкома) или яйца (Важгорт) (П.А. Шапина, 1916 г.р., Удорский р-н, 1999 г.; Н.И. Шлопов, 1952 г.р., Удорский р-н, 2006 г.; Н.М. Растворова, 1937 г.р., Троицко-Печорский р-н, 2007 г.).

В 1994 г. после череды трагических событий жители д. Муфтюги поставили три обетных креста: образу Богородицы «Неопалимая купина» (в центре села), архангелу Михаилу и святителю Николаю. В 2000-х гг. по завещанию одной из староверок в последний, чуть ниже средней перекладины, было врезано небольшое литое распятие (В.С. Палева, 1949 г.р., Удорский р-н, 2006 г.). Эти действия можно трактовать как символическую реконструкцию памятника, значимого для местной традиции. Литое распятие было врезано в «старинный» обетный крест, находившийся в соседней с Муфтюгой д. Верхозерье и похищенный в 1999 г. [Лимеров, 1999].

В с. Чупрове литая икона «Огненное восхождение пророка Илии», принадлежавшая одной из семей, почиталась как деревенская святыня: в засушливую погоду ее несли через село к реке, где омывали, чтобы вызвать дождь (А.Я. Багаева, 1928 г.р., Удорский р-н, 1999 г.). Обращение за помощью при засухе к Илье-пророку было характерно и для русских крестьян [Островский, 2002, с. 146]. Когда икона была утрачена, жители с. Чупрова при засухе стали совершать молебен у реки, после чего они омывают обетный крест, установленный в честь Параскевы Пятницы. А.Б. Островский отмечает, что экстремальные ситуации обнажают наиболее важные ценности и общие жизненные ориентиры, а средства, которыми располагает культура для борьбы с ними, позволяют определить социально-мировоззренческие установки ее носителей [Там же, с. 109]. Наши материалы дают основание говорить о сохранении значения православной традиции для изучаемых локальных групп коми.

Заключение

Почитание литья, его ритуальные функции в старообрядческой среде коми имеют ряд параллелей с русскими церковной и староверческой традициями, что свидетельствует об общих православных корнях. Для коми начиная с XIX в. литые образа являются одним из символов «принадлежности к расколу». В современных представлениях о них нашли отражение христианский канон и традиционные поверья. Сюжеты литых икон (равно как и икон древнего письма) иллюстрировали основные события и действующих лиц христианской истории; изображения святых, благословляющих двуперстным знаменем, воспринимались как подтверждения правильности собственных позиций. Можно предположить, что этим фактом объясняются суждения удорских староверов о «правильности» и большей ценности литых образов. Они стали неотъемлемой частью повседневной жизни, обязательным атрибутом обрядов, определяющих профессиональную принадлежность: таинства крещения и погребальных треб. Наши материалы свидетельствуют не только об общем для всех староверческих групп использовании литья в обрядовых практиках, но и о существовании локальных различий (даже между группами коми-староверов), которые могут объясняться как принадлежностью к разным толкам, так и отличиями, восходящими к архаическим этническим традициям.

Восприятие своего сообщества как хранителя «правильных» книг, икон, обрядов является мощным психологическим фактором консолидации и составляющей группового самосознания [Данилко, 2007, с. 38]. В настоящее время, когда в староверческих общинах коми обрядность становится едва ли не единственным способом выражения вероучения, большое значение приобретают этноконфессиональные символы, которые делают конфессиональные границы видимыми и легко распознаваемыми.

Список литературы

- Берестецкая Т.В.** О некоторых проблемах изучения выговского литья // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – С. 231–237.
- Бернштам Т.А.** Христианизация в этнокультурных процессах финно-угорских народов Европейского Севера и Поволжья (сравнительное обобщение) // Современное финно-угроведение: Опыт и проблемы / отв. ред. О.М. Фишман. – Л.: Гос. музей этнографии народов СССР, 1990. – С. 133–140.
- В Печорском крае:** Из дневника вологодского епархиального миссионера // Приложение к Вологодским епархиальным ведомостям. – 1904. – № 14. – С. 361–366.

- Винокурова Э.П.** Основные принципы классификации русской медной художественной пластики конца XVII – начала XVIII в.: автореф. дис. ... канд. искусствовед. наук. – Л., 1989. – 23 с.
- Винокурова Э.П., Молчанова О.В., Петрова Л.А.** Медная пластика // Неизвестная Россия: К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни: каталог выставки. – М.: ГИМ, 1994. – С. 37–58.
- Власова В.В.** Медное литье в традиции коми старообрядцев (ареалы, типология, ритуальные функции). – Сыктывкар, 2005а. – 29 с. – (Научные доклады / КНЦ УрО РАН; вып. 474).
- Власова В.В.** Крещение у коми старообрядцев-беспопцев: значение и функции // STUDIA JUVENALIA: Сборник работ молодых ученых ИЯЛИ. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2005б. – Вып. 2. – С. 75–87.
- Власова В.В.** Распространение старообрядчества среди коми (зырян): к истории формирования локальных групп // Староверие на Северо-Востоке европейской части России. – Сыктывкар: Сыктывкар. гос. ун-т, 2006. – С. 21–32.
- Гагарин Ю.В.** История религии и атеизма народа коми. – М.: Наука, 1978. – 326 с.
- Гнутова С.В.** Медная мелкая пластика Древней Руси (типология и бытование) // Русское медное литье / сост. и науч. ред. С.В. Гнутова. – М.: Сол Систем, 1993. – Вып. 1. – С. 7–20.
- Гнутова С.В., Зотова Е.Я.** Кресты. Иконы. Складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. – М.: Интербук-бизнес, 2000. – 134 с.
- Голомянов А.И., Фурсова Е.Ф.** Предметы старообрядческого культа в частных собраниях Новосибирской области (меднолитые иконы и кресты). – URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Krest> (дата обращения: январь 2009 г.).
- Данилко Е.С.** Старообрядчество на Южном Урале: Очерки истории и традиционной культуры. – Уфа: Гилем, 2002. – 219 с.
- Данилко Е.С.** Механизмы самосохранения русских и финно-угорских старообрядческих общин Урало-Поволжья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2007. – 55 с.
- Дронова Т.И.** Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы: конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX – XX в.). – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2002. – 276 с.
- Дружинин В.Г.** Введение: (Из корректуры книги В.Г. Дружинина «О поморском литье») // Русское медное литье / сост. и науч. ред. С.В. Гнутова. – М.: Сол Систем, 1993. – Вып. 2. – С. 106–120.
- Засодимский П.В.** Лесное царство // В делях Севера: Русские писатели XVIII–XIX веков о земле Коми. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – С. 99–173.
- Зотова Е.Я.** Медное художественное литье XVIII – начала XX в. старообрядческих мастерских г. Москвы: источниковедческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – 22 с.
- Из религиозно-бытовой жизни зырян Вологодской губернии** // Приложение к Вологодским епархиальным ведомостям. – 1905. – № 23. – С. 339–342.
- Лимеров П.Ф.** Крест // Вера (Эскөм). – 1999. – 13–19 марта. – С. 2.
- Мыльников А.С.** Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой коммуникации // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л.: Наука, 1989. – С. 7–37.
- Обозрение** пермского раскола так называемого «старообрядства» / сост. А.П. [архим. Палладий]. – СПб.: [Тип. духовного журн. «Странник»], 1863. – 215 с.
- Островский А.Б.** Обряды деревенской общины в ситуациях бедствия // Материалы по этнографии. – СПб.: Эго, 2002. – Т. 1. – С. 109–156.
- Принцева М.Н.** К вопросу об изучении старообрядческого медного литья в музейных собраниях // Научно-атеистические исследования в музеях. – Л.: Изд-во Гос. музея истории религии, 1986. – С. 47–68.
- Стоглав:** Собор, бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059). – СПб.: Воскресение, 1997. – 288 с.
- Уляшев О.И.** Корт // Энциклопедия уральских мифологий: Мифология коми. – М.; Сыктывкар: ДиК, 1999. – Т. 1. – С. 204.
- Фишман О.М.** Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. – М.: Индрик, 2003. – 408 с.
- Фролова Г.И.** Медное литье // Культура староверов Выга. Culture of Old-Believers of Vyg: К 300-летию основания Выговского старообрядческого общежития: каталог / сост. А.А. Пронин. – Петрозаводск: Карпован сизаркет, 1994. – С. 18–30.
- Цеханская К.В.** Икона в жизни русского народа. – М.: Православный паломник, 1998. – 318 с.
- Цеханская К.В.** Иконы в народной жизни // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. – М.: Наука, 2001. – С. 300–315.
- Чувьуров А.А.** Традиции и новации в семейной обрядности коми населения верхней и средней Печоры // Материалы полевых этнографических исследований. – СПб.: МАЭ РАН, 1998. – Вып. 4. – С. 22–44.
- Чувьуров А.А.** Народная медицина и старообрядческая традиция (по материалам исследований коми староверов-беспопцев) // Мифология и повседневность: мат-лы науч. конф. 24–26 февраля 1999 г. – СПб., 1999. – Вып. 2. – С. 60–69.
- Шарапов В.Э.** Графическая и свободнокистевая роспись на территории Коми края в XIX – начале XX веков // Музеи и краеведение: Тр. Национального музея Республики Коми. – Сыктывкар, 1997. – Вып. 1. – С. 104–116.
- Юхименко Е.М.** Иконописание и литье медных икон // Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – Т. 1. – С. 171–192.